

Сразу взять его в рот целиком казалось невозможным, поэтому Руан сначала обхватил тяжёлую плоть обеими руками и осторожно провёл языком по крупной головке. Влажное мягкое прикосновение, похоже, пришлось по вкусу, потому что мышцы живота перед ним вновь дрогнули.

Руан протянул руку, нащупывая напряжённый пресс, и широко распластанным языком медленно обвёл головку. Под ладонью ощущалось дикое возбуждение герцога. Проводя рукой по горячему, крепкому телу, Руан лениво ласкал языком самый кончик, словно надавливая, а затем заострил язык и дразняще коснулся отверстия.

Вскоре выступила прозрачная влага, оставив во рту едва уловимый вкус. Руан слегка вобрал блестящий от слюны кончик и тихо втянул его.

Мышцы бёдер герцога, лежавших по обе стороны от его головы, заметно напряглись. Зажатая в руках плоть стала ещё тяжелее и словно увеличилась.

«Ещё... больше?»

Руан изумлённо уставился на член прямо перед собой. Нет, так дело не пойдёт. Если он станет ещё больше, то уже точно не поместится.

В итоге Руан широко раскрыл рот и вобрал его. Казалось, он раскрылся до предела, но внутрь вошла лишь массивная головка. Пространства во рту почти не осталось, двигать языком было трудно.

Несколько мгновений он осторожно ласкал её плоским языком, после чего опустил язык ниже и впустил глубже. Горячий тяжёлый ствол медленно продвигался внутрь, и Руан глубоко вдохнул через нос. От этого рот непроизвольно сжался, и над его головой грудь герцога резко вздымалась и опускалась.

Руан окинул взглядом то, что уже взял в рот. Казалось, вошло немало, но снаружи всё ещё оставалась значительная часть.

«Полностью не получится...»

Челюсть уже начинала ныть, и он быстро отказался от этой мысли. Рука, до этого блуждавшая по животу, опустилась ниже, лаская основание и ниже, а взгляд поднялся вверх.

Яркие золотые глаза герцога смотрели прямо на него, будто всё это время не отрываясь. От хищного желания в этом взгляде по спине пробежал холодок.

Отвечая на него, Руан сжал губы сильнее. Золотые глаза потемнели. Не разрывая зрительного контакта, он начал медленно двигать головой.

Горячие пальцы герцога скользнули к его разгорячённому затылку. Щекочущее прикосновение заставило Руана невольно вдохнуть, и его голова чуть опустилась.

Изменившийся угол сразу изменил ощущения. Кончик головки задел небо, царапая его неровной поверхностью. От этого притупившееся было возбуждение снова оживило. Руан двинул языком, лаская нижнюю часть, и, вздрогнув бёдрами, выровнял позу. Его собственное тело тоже вновь откликнулось возбуждением.

Большая ладонь, скользившая по затылку, прошла по уху и осторожно обхватила щёку. Хватка была мягкой, но от неё исходило горячее, явственное желание.

Мысль о том, что эти жёлтые глаза, полные голода, всё ещё наблюдают за ним, заставила уши вспыхнуть жаром. Руан ускорился.

С каждым движением глубина становилась всё больше. Он расслабил горло и впустил ещё глубже, ещё глубже.

Подступала тошнота, дыхание сбивалось. На глазах выступили слёзы, но Руан не остановился. Мягкие стенки обхватили вошедшую плоть. Сжав бёдра герцога, он сильнее сомкнул губы.

И вдруг почувствовал, как внутри всё резко запульсировало. Поняв, что разрядка близка, Руан поспешно отстранился, но опоздал.

— Ах...

Горячая липкая жидкость брызнула на щёку. Руан резко откинул голову и зажмурился. В следующее мгновение ещё одна струя коснулась его лица.

Он уже поднял руку, чтобы вытереть глаза, когда почувствовал другое.

Шершавый язык медленно прошёлся по испачканной коже.

Вздрогнув от неожиданности, Руан распахнул глаза и увидел герцога, наклонившегося к нему. Прежде чем тот успел приблизиться ещё сильнее, Руан обеими руками схватил его за щёки.

— Ваша Светлость, зачем вы это лижете!

Герцог удивлённо нахмурился.

— Разве не я тебя испачкал? Тогда мне и убирать.

Пока Руан растерянно переваривал услышанное, герцог снова заговорил, не отводя взгляда:

— Но больше всего... мне хочется войти.

Руан непонимающе моргнул, решив, что этому коту просто понравилось и он просит продолжения. Однако герцог, похоже, понял его мысли.

— Не туда.

Герцог протянул руки и легко подхватил Руана. Тот только успел удивлённо ахнуть, как уже оказался сидящим у него на бедрах. Слишком лёгкое движение заставило Руана растерянно ухватиться за него, а герцог, крепче сжав его ягодицы, произнёс:

— Сюда.

От силы большой ладони Руан крепко прикусил губу. Кровь снова прилила к оставленному без внимания возбуждению.

Он посмотрел на своего возлюбленного, безумно притягательного, будто готового в любой момент наброситься, затем окинул взглядом собственное разгорячённое тело, которое так и не получило разрядки, и осторожно заговорил:

— Ваша Светлость... вы ведь помните, что завтра мы выезжаем?

— Помню.

— Поездка в карете и так утомительна, поэтому прошу вас... прошу, постарайтесь сдержаться...

— Хорошо.

Ответ герцога закончился прямо у него на губах. Тот начал наклоняться ещё в тот момент, когда Руан только произносил слово «прошу».

И той ночью Руан вновь убедился: нет слова менее подходящего кошке, чем «сдержанность».

Какая там сдержанность, какие серьёзные разговоры. В итоге на следующее утро Руана просто погрузили в карету, словно безвольный багаж.

* * *

— Ральф!

Проводив свиту герцога, отправлявшуюся обратно в Рейнке, Ральф возвращался к торговой гильдии, когда услышал знакомый голос и обернулся. К нему быстрым шагом приближался яркий красавец, чей возраст было невозможно определить.

Казалось, от одного его шага веяло радостью встречи, а за спиной почти мерещился длинный хвост, бешено виляющий от счастья.

— Хорошо проводил?

Стоило их взглядам встретиться, как на лице мужчины расцвела улыбка. В отличие от Ральфа, чьи черты были спокойными и аккуратными, этот человек выглядел утончённым, почти кукольным — слишком изящным и прекрасным. Несмотря на то что у него был уже взрослый сын, он казался удивительно молодым, а едва заметный отпечаток прожитых лет только придавал ему вид дорогой фарфоровой куклы, выставленной в самом центре витрины.

Глядя на него сейчас, невозможно было представить, что с этих благородных губ, словно созданных для изысканных речей, порой слетает простонародное «ах ты, паршивец», и что в ответ он ещё и способен с самым невинным лицом заявить: «Да! Ваш паршивец!» — заставляя окружающих лишь беспомощно усмехаться.

Ральф улыбнулся в ответ приближающемуся мужчине.

— Отец!

Бывший глава торгового дома Штайнеров, Людвиг Штайнер, подошёл к сыну и заговорил:

— Я заглянул в главный офис, и мне сказали, что ты пошёл провожать свиту великого герцога. Прикинул время и решил, что ты скоро вернёшься, вот и вышел встретить. Всё прошло хорошо?

— А, да. Только советник выглядел неважно, так что я немного переживаю, не станет ли дорога для него слишком тяжёлой...

Ральф вспомнил Руана и Дитриха, с которыми только что попрощался.

У кареты Руан выглядел нездоровым и опирался на Дитриха. Сам он явно смущался своего состояния, тогда как Дитрих, не обращая на это внимания, стоял совсем близко. От этого Руан смущался ещё сильнее и пытался его оттолкнуть, но вместо того чтобы отстраниться, Дитрих лишь провёл языком по его разгорячённому уголку глаза.

Руан тут же принялся его отчитывать. Но в тот момент взгляд Ральфа, не знавшего, куда деть руки от беспокойства, зацепился не за сердитые слова, а за глаза Руана, смотревшие на Дитриха.

Ярко-синие, наполненные нежностью и счастьем.

На мгновение задумавшись о том, как сильно они сияли, Ральф ответил Людвигу:

— Но, к счастью, сегодня хорошая погода. Для путешествия в карете просто идеально. Кстати, отец, а вы почему сами сюда пришли?

Людвиг, наблюдавший за сыном, легко пожал плечами:

— Вообще-то я тоже когда-то был здесь главой гильдии. Решил проверить, как идут дела.

От такой бесстыдной реплики Ральф попытался вспомнить, когда в последний раз видел его в главном офисе.

— Но после ухода на покой вы почти не появляетесь. Последний год так точно.

— Тогда я просто не мог отойти от твоей матери.

Улыбка Людвига всё ещё оставалась светлой, но уже не такой беззаботной, как прежде.

И неудивительно. Именно год назад, после третьего приступа, состояние Эделин резко ухудшилось. Для Ральфа это тоже было тяжёлое время, но для Людвига — по-настоящему страшное.

Ральф до сих пор ясно помнил его тогдашний вид.

В то время он ещё не до конца понимал, что Людвиг имел в виду, говоря об «особом чувстве». Но, глядя на него, Ральф начинал осознавать, что такое утрата, о которой тот говорил, пытаясь объяснить любовь.

Если бы Эделин не смогла справиться с болезнью и ушла, Людвиг выглядел бы человеком, у которого внутри навсегда образовалась пустота, человеком, что продолжал бы ждать того, кто уже никогда не вернётся, пока сам не угаснет.

Тогда Ральф впервые понял, что значит потерять дорогого человека для зверочеловека-пса.

Перед глазами вновь встали картины тех дней: Людвиг, не отходящий от Эделин ни на шаг;

Людвиг, уснувший, прижавшись щекой к её ладони; и Эделин, тихо поглаживающая его волосы и проливающая слёзы, которых раньше никто никогда у неё не видел.

<http://bllate.org/book/12567/1117872>